

Пролог

Одиннадцать лет назад

Листья, грязь и трава заглушают любой звук. Даже крики. Она об этом знает. Как бы она ни старалась, ее крик не пролетит четверть мили до автомобильных фар, до уличных фонарей, до светящихся окон высоких зданий, которые видно за стеной. Город совсем близко, но он ей не поможет, а на крик придется тратить силы, которых и так в обрез.

Она здесь одна. С недавнего времени.

— Кэти, — говорит она. — Кэти, это не смешно.

Сложно даже представить что-либо менее смешное. Тогда почему кто-то хихикает? И вдруг — совсем иной звук. Скрежещущий. Чиркающий.

Она могла бы побежать: до моста отсюда недалеко. Она успеет.

Но если она побежит, придется бросить Кэти.

Листву на дереве, у которого она стоит, шевелит легкий бриз. Она никак не может унять дрожь, ведь одевалась она — всего-то пару часов назад — в расчете на отапливаемый бар и подогретое сиденье автобуса, а оказалась на улице в полночный холод. Осознавая, что в любой момент, возможно, надо будет бежать, она осторожно снимает туфли — сначала одну, потом вторую.

— Хватит уже! — говорит она чужим, не своим голосом и отходит от дерева, поближе к громадному камню в траве. — Кэти, где ты?

Лишь чирканье в ответ.

По ночам камни кажутся выше, большие, а еще — страшнее и темнее. Но круг, в который они складываются, словно бы

сузился. Ей чудится, что те камни, которые лишь краешком попадают в ее поле зрения, подбираются к ней, будто играя в «море волнуется раз», и если она сейчас развернется, то сможет к ним притронуться.

Как же не развернуться, когда одолевают такие мысли? Как не вскрикнуть, когда темный силуэт попросту надвигается на тебя? Один высокий камень раскололся надвое, как надламываются горные утесы. Отколовшаяся часть идет к ней.

Она бежит, но далеко убежать не успевает: путь ей преграждает еще один темный силуэт. Не пускает ее к мосту. Она разворачивается. Еще один. И еще. Темные фигуры со всех сторон подбираются к ней. Бежать некуда. Кричать бесполезно. Остается лишь метаться, как мечутся крысы в крысоловках. Они хватают ее и тащат к гигантскому плоскому камню — и тут хоть что-то становится ясно.

Становится ясно, что чиркающий звук издавало лезвие, которое точили о камень.

ЧАСТЬ 1

Полли

Убийство совершено с жестокостью невообразимой и неопикуемой.

*Газета «Стар»,
31 августа 1888 г.*

1

Пятница, 31 августа

К моей машине прислонилась мертвая женщина.

Каким-то чудом удерживаясь в вертикальном положении, она раскинула неживые руки в стороны и ухватилась за дверцу со стороны пассажира. Из мертвой женщины сочилась кровь, и каждая новая капля капала поверх предыдущей, образуя нечто вроде паутины на слое автомобильной краски.

В следующий миг она повернулась и посмотрела мне в глаза. Ее мертвые глаза уставились прямо в мои, живые. На шее у нее зияла страшная рана, живот покрывало сплошное пятно алого цвета. Она протянула руку, но я не шелохнулась. Она вцепилась в меня, и, как для покойницы, довольно-таки крепко.

Да, я понимаю: она стояла на ногах и даже двигалась, но по ее глазам уже было ясно, что это конец. Может, тело еще какое-то время поборется, а сердце поколотится в груди, затихая с каждым ударом; может, она еще способна кое-как управлять своими мышцами. Но это все мелочи. Глаза уже знали, что игра окончена.

Мне вдруг стало жарко. Пока солнце не село, вечер был довольно теплым — один из тех вечеров, когда лондонские здания и тротуары удерживают скопленный за день жар, чтобы сбить тебя с ног волной горячего воздуха, как только сунешься на улицу. Но этого липкого, лихорадочного тепла я прежде не ощущала. Этот жар никакого отношения к погоде не имел.

Нож я сначала не заметила — только почувствовала, как рукоятка прижалась к моему телу. Она так крепко обняла меня, что вонзала лезвие все глубже в собственное нутро.

Не надо. Не делай этого!